

RESPONSIBILITY
RESPONSIBILITY
RESPONSIBILITY

ITY
SIBILITY

For

ПАВЕЛ КУЗЬМЕНКО

Огромный дом и маленький человек

Образ маленького человека имеет в русской классической литературе давние традиции. Гоголевский Акакий Акакиевич, герои Достоевского, герои Чехова... Они достойны только сострадания, писатели-гуманисты XIX века обращали внимание читателей на их бесправное существование. Однако в середине XX века все кардинально переменилось, и писатели это почувствовали первыми – теперь от самого маленького человечка стало зависеть очень многое. Ярче всего это представили себе фантасты. Трехтомная эпопея Джона Рональда Руэла Толкина пронизана пафосом ответственности за многое незначительного существа, за мир во всем мире. Средиземье от сил зла спасает не благородный воин-человек, не храбрый гном и не хитроумный эльф, а самый маленький мохноногий полурослик – хоббит Фродо. В XX, а тем более в XIX веке и от самого маленького человека может зависеть очень многое.

Этих же взглядов придерживается и московский писатель Павел Кузьменко. Любителям фантастики он в первую очередь известен своим остросюжетным романом «Система Ада». Его юмористические рассказы печатались в журнале Жванецкого «Магазин». Его эссе и заметки публикуют самые разные газеты. Кроме этого он пишет сценарии для различных телесериалов... С редакцией журнала «Летопись интеллектуального зодчества» он сотрудничает не в первый

раз – в наш сборник «Пятая стена» вошел его остроумный рассказ «Кладка №7».

Герой его нового рассказа – самый настоящий маленький человек. Да еще и неудачник. Однако именно он выбран для спасения жизни на Земле. За какие заслуги? За многие... Но не последним обстоятельством этого выбора стала его профессия. Он – строитель. А на строителей всегда возлагается особая ответственность. Они к этому привыкли. А спасти жизнь ему помогает необычный дом – огромное строение, созданное несколькими поколениями предков героя, тоже строителями. Этот огромный дом – такой же герой рассказа, как и перестраивающий его маленький человек. Вместе они спасают мир, и после этого становятся такими незначительными все неудачи маленького человека.

*Андрей Щербак-Жуков
писатель, журналист,
искусствовед*

Большее всего на свете *сомж* Абабкин хотел быть незаметным. Ну, как можно быть заметным с редкими серыми волосенками, вечной трехдневной щетиной, лицом, напоминающим выпившего на рабочем месте рабочего с плаката по технике безопасности, при небольшом росте, природной сутулости и хроническом бронхите? Однако на него сразу же обращали внимание с самого детства. Благодаря фамилии, с которой начинался практически любой алфавитный список. Что за такая идиотская фамилия? Откуда она взялась в русском языке? Может от предка А. Бабкина, которому рассеянная паспортистка случайно слила инициал с фамилией? А может, предка Бабкина когда-то занесло в Абхазию и он успел там *обабахизиться*? Кстати, *сомжа* Абабкина звали Александр Алексеевич. Кругом печать *алефа*.

– Абабкин пришел?

Это первое, что услышал маленький Саша Абабкин на второй день в детском саду. По мнению грудастой воспитательницы со списком младшей группы день должен был начинаться с Абабкина, как человечество – с Адама.

В школе тоже. Входит учитель в класс первого сентября, а на доске ещё с мая радостное дацзыбао «Прощай школа!» без запятой, которая в трудовой жизни не пригодится. Учительница, ясное дело, кладет в сторонку цветы, открывает журнал:

– Начинается. Лицо класса, можно сказать, доску в

порядок не привели. Дежурным сегодня будет... сегодня будет... не мудрствуя лукаво, Абабкин.

Только в армии вначале повезло. Абабкин служил еще в советской армии и поэтому в списке учебного взвода впереди Абабкина оказался долговязый эстонец Тынну Аав. Но маленькая алфавитная радость длилась недолго. Размещая ноги в танке, Аав забыл о собственной голове и немножко прихлопнул ее люком. После чего лишился рассудка, был возвращен на родину и даже не заметил ее вступления в объединенную Европу.

И в строительном институте, и на работе в гигантском проектом центре, и в частной фирме в новые времена, как ни сутулился, ни нагибался Абабкин, всё начиналось с него. Конечно, это не нравилось, огорчало и удручало. Но хоть бы раз Абабкин пожаловался в вышестоящие инстанции: «Господи, ну почему я не родился Ящуровым, последним почти в каждом списке?» Ни разу. Такая вот терпеливая душа.

И когда фирма сама собой успешно разорилась, Абабкин только обрадовался тому обстоятельству, что больше не надо вставать и спешить на работу к определенному часу. Не надо гадать к определенному числу – дадут, не дадут, прибавят, не прибавят, инфляция скакнет, не скакнет? И никуда не стал устраиваться, надеясь, что три года до пенсии пролетят, как усталые птицы.

А зря не стал устраиваться, потому что свобода от работы оказалась жалкой крохой от всей возможной свободы в этом мире. К своей приметности Абабкин обладал еще одним неудобным для грешной жизни качеством – честностью. И ни с одной из четырех жен, последовательно ниспосланных ему судьбой, не разругался вдрызг, не расстался навеки и каждого из десяти детей по мере сил содержал и воспитывал.

С последней женой Ларисой и последним, рожденным по оплошности ребенком Юрочкой пришлось туговато, когда Абабкин освободился от постоянного дохода. Их новое жилище было еще недостроенным и недообставленным. А поскольку Абабкин ни воровать, ни грабить был неспособен органически, то естественным путем оказался в раю для нынешних крыс и будущих археологов, на помойке.

То старый стул кто выбросит, кто полуисправный магнитофон, кто нечитабельный «Капитал» Маркса, кто что. На помойке же есть всё, это же целая цивилизация, отстающая на шаг от прогресса. Абабкин же придирчиво выбирает, что нужно, и в дом, все в дом.

– Сашка, да ты опустился, – как-то сочувственно заметила первая жена Маша, когда увидела, как бывший муж мастерит крышу нового жилища из крыльев разбитого вмятку автомобиля.

Абабкин же молчит и трудится.

– Александр, у тебя же высшее образование, зачем тебе собрание сочинений Горького? Ах, бесплатно, поди, с помойки... – вздохнула вторая жена Лена.

Абабкин же, знай себе, тащит.

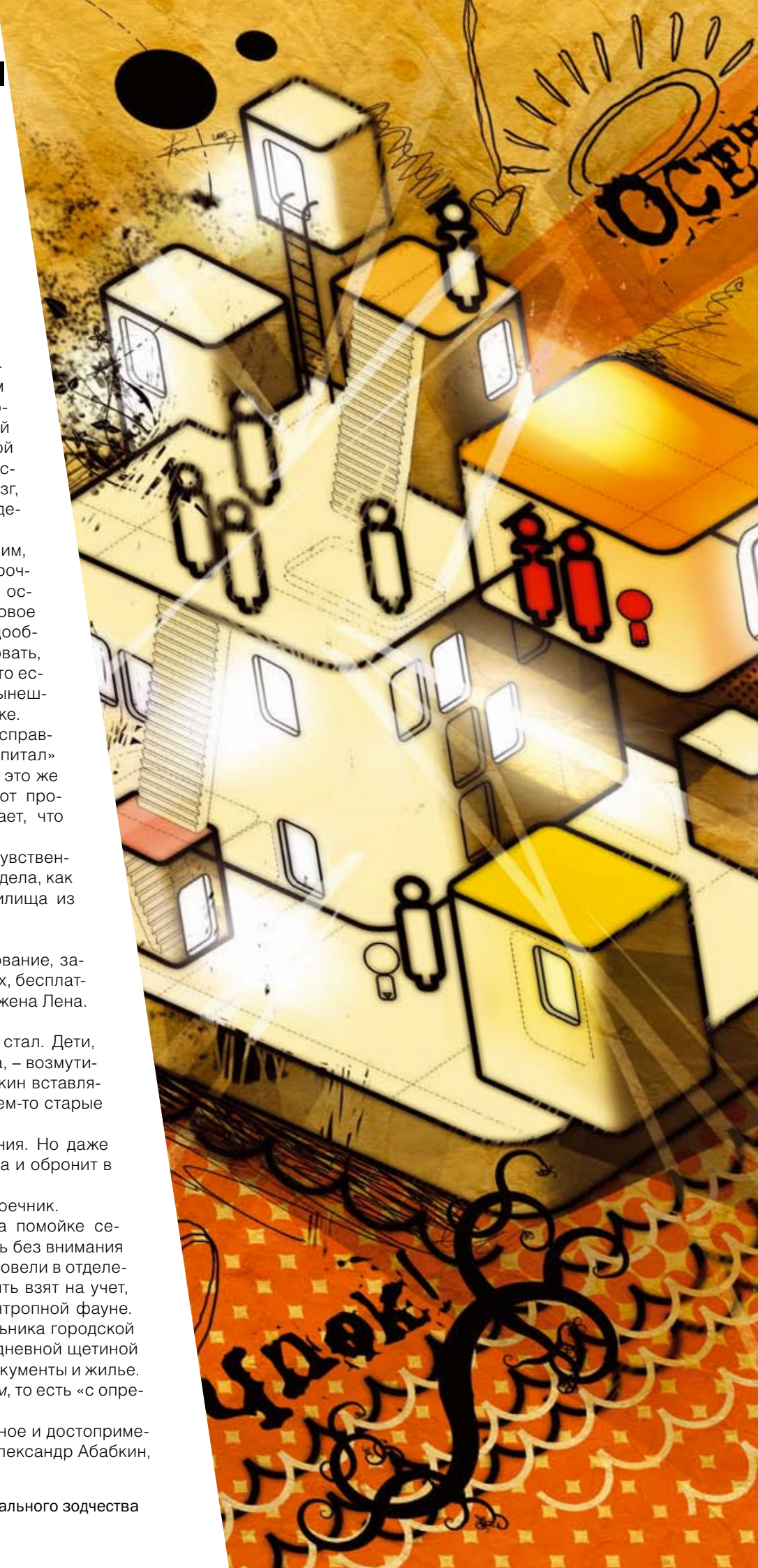
– Лексеич, да ты, никак, помоечником стал. Дети, никому не говорите, кто ваш бывший папа, – возмутилась третья жена Люба, увидев, как Абабкин вставляет в оконный проем явно выброшенные кем-то старые рамы.

А он вставляет и не обращает внимания. Но даже четвертая жена, сама кротость, нет-нет, да и обронит в сердцах:

– У всех мужья, как мужья, а у меня помоечник.

Само собой регулярное появление на помойке серенького немолодого мужичка не осталось без внимания бомжей и милиции. Взяли его однажды и повели в отделение. Потому что каждый бомж должен быть взят на учет, согласно закону о маргинальной и синантропной фауне. Каково же было удивление усатого начальника городской милиции, что этот по виду бродяга с трехдневной щетиной Абабкин совершенно непьющий, имеет документы и жилье. Так он стал единственным в городе *сомжем*, то есть «с определенным местом жительства».

Более того, это было даже прославленное и достопримечательное место жительства. Не только Александр Абабкин,

но и его предки Абабкины старались вести жизнь незаметную и жилье иметь скромненькое, а получилось наоборот.

– Что же это вы... – в смешанных чувствах заерзал в просиженном кресле усатый начальник городской милиции, – живете, понимаешь, в таком доме... Можно, сказать, в достопримечательности, понимаешь, в гордости, чтоб ей провалиться... простите... Являетесь, понимаешь... совестью, что ли, нашего, понимаешь... И по помойкам роетесь, сомжете рядом с бомжами и крысами...

Абабкин только виновато развел руками и был отпущен. И даже не обложен полагающимися в таких случаях налогами на нищету.

История этой достопримечательности, о которой упомянул начальник, уходила своими корнями не то, чтобы в такое уж далекое прошлое, но определенно куда-то почти под земную кору.

Еще прадед Абабкина, Абабкин же Андрей Абрамович, каменщик построил дом на тогдашней окраине города, заняв участок, где никто не мог построиться по причине невозможности вырыть яму для фундамента. Кругом нормальные суглинки, да песчаники, а здесь гранитный монолит словно штырь, словно гигантский гвоздь, забитый в землю богатырем. Каким именно, мнения историков и фольклористов расходились. Может, Ильей Муромцем, может, скандинавским Тором, испытывавшим таким образом свой молот, может, Николаем Валуевым. Зачем забитый – совсем непонятно. Однако же Андрею Абабкину, человеку терпеливому и честному удалось диффундировать нижние кирпичи с гранитом и домик, небольшой одноэтажный домик вырос на редкость крепким.

Семья Андрея Абабкина, отмеченная печатью *алефа*, росла, к домику начали делать пристройки и надстройки, невзирая ни на революции, ни на уплотнения. Году к 1930-му уже стояло довольно странное сооружение, на которое невольно заглядывались все новоприезжие. Дом, не дом, голубятня, не голубятня. Там вдруг эркер сделан вопреки законам архитектуры, а там – балкон нависает вопреки законам физики. С одной стороны три этажа, с другой полтора. И везде люди живут, из которых большая часть Абабкины. Прадед Андрей честный человек был, женился по любви, разводился по хорошему, детей плодил согласно зову природы.

Потом при деде Анатолии Андреевиче, крановщике, дом еще больше разросся. И, что самое интересное, не за счет поверхности земли, а за счет все тех же надстроечек, пристроечек на уровне второго этажа, прилепочек на уровне третьего. Все держалось на крепчайшем перводоме, слитом со скалой, как гриб на ножке. Форма дома сначала приближалась к осиному гнезду, потом начала немного удлиняться. Число обитателей росло. Жили по-разному, несмотря на разводы и новые браки. Но в основном дружно. Хоть и коммуна какая-то по большому счету получалась, а все же у каждого была своя ячеечка, своя комнатка. По прямой линии Абабкины-мужики все строителями были, все в генетическом родстве с муравьями, вооруженными цепкими жвалами, сильными лапками, клейкой слюной и инстинктом пристраивать, пристраивать, пристраивать.

В Великую Отечественную город изрядно бомбили. Дом Абабкиных совершенно не пострадал. После того, как в крышу ударила трехтонная авиабомба, отскочила и взорвалась где-то в сторонке, в доме начали прятаться окрестные жители, как в бомбоубежище.

Во времена Хрущева горсовет твердо решил эту уже шестиэтажную лепицу снести и на ее месте понаставить нормальных пятиэтажек-хрущоб. Как ни просил Алексей Анатольевич, какие ни приводил аргументы, как ни вспоминал трехтонную авиабомбу, все напрасно. В общем, выселили всех Абабкиных и прочую их родню. Подогнали разрушительную технику. Фигушки. Стоит почему-то дом на каменной ножке. Стекла и те от ударов не вылетают. Попробовали динамит – никакого эффекта. Пришлось жильцов назад возвращать. Под дворец культуры или крытый рынок дом никак не переделывался.

Вернемся, однако, в наши дни. Или, как любили прежде выражаться в этой несчастной стране, в последние времена.

Однажды Александр Алексеевич Абабкин нашел на помойке мобильный телефон. Старенький, поцарапанный слегка, но вполне исправный. Мужчина предпенсионного возраста не чужд был технического прогресса, но столь необходимую сейчас даже для первоклассников вещь все никак не мог себе позволить. Вся родня имела, а у него все прежние заработки уходили как раз на то, чтобы ближайшей родне обеспечить сносное существование не без мобильной связи.

Абабкин поставил старую сим-карту одного из сыновей, внес в записную книжку нужные номера и продолжил шастать по помойкам с возросшим чувством собственного достоинства. И не успел он дойти до ближайшего контейнера, в надежде найти необходимый патрон для светильника, как в кармане выразительно звякнул аппаратик, сигнализируя, что пришла эсэмэска.

Абабкин прочитал с немалым удивлением и прочитал несколько раз.

«Абабкин, не ищи патроны. Света не будет».

Он даже огляделся. Он же никому не сказал, куда идет и зачем. Даже жене. Снова посмотрел в экранчик, чтобы прочесть, с какого номера пришло сообщение. И еще больше удивился столь нехарактерной для мобильной связи формуле:

«Номер отправителя непознаваем».

Поколебавшись между предположением о шутке и природным доверием, Абабкин решил ответить на непознаваемый номер:

«Почему?»

Новое СМС пришло почти мгновенно.

«Не твоё дело. Лучше сделай раствора побольше и замажь во всем доме окна, двери и все отверстия до третьего этажа».

Не успел Абабкин проморгаться, как следующее сообщение.

«А снаружи гидроизоляцию в семь слоев».

И вдогонку:

«Только умоляю, Абабкин, материал не ищи на помойке. Купи на строительном рынке. В магазинах Е 25 (спросить Эдика) и Г 44 (спросить Вову). Там товар качественный. Деньги займи у родни. Дадут.»

Как часто можно видеть такую картину: человек спешит, получает СМС, останавливается и читает то, заставляет его остолбенеть ненадолго. «У вас на счету 1000000 рублей», «Ваш сын сбил человека. Это не мошенничество, но бабки готовьте», «Ты покойник» и т.д. В Москве, рядом с метро «Пролетарская» и конечной остановкой трамвая, напротив магазина «Арбат Престиж» задолго до изобретения мобильных телефонов была поставлена и до сих пор стоит статуя пролетария, читающего остолбеневающее СМС. Так и Абабкин застыл в чтении, забыв куда шел и зачем. Внутренняя честность и печать *алефа* подсказывали ему, что это не прикол оператора, не розыгрыш несуществующих, в общем, друзей.

Подходя к своему дому Абабкин заметил, что новая подстройка, его нынешнее жилище находится на уровне третьего этажа. Значит, придется замазывать окна и вентиляцию. Да еще гидроизоляцию в семь слоев. Тут упорный строитель снова остановился, только не в остолбении, а в молчаливом возмущении. Что за бред?! Да его многочисленные родственники быстро упекут в психиатрический стационар.

Немедленно тренькнул мобильник. СМС.

«Это не бред, а моя непознаваемая даже мной воля. Будешь возмущаться, накажу. Неужели до твоей тупой баш-

ки ничего еще не дошло?».

Палец Абабкина уже начал набирать буквы в ответном послании: «А кто вы?», но остановился. До него, живущего в постиндустриальную и предапокалиптическую эпоху, начало что-то доходить. Раньше адресат получал тяжелые, неудобные для транспортировки каменные скрижали, а теперь вот простенькие электронные тексты. Но должны быть доказательства. Обязательно. Какое-то чудо, лучший аргумент для подтверждения истинности всякой истины.

Зайдя в дом и продолжая размышлять о своей избранности, он и не заметил, как оказался перед дверью квартиры. Только не своей, а второй жены Елены. Она была самой хозяйственной из всех его жен и самой жадной. Деньги были единственной причиной их развода. Не в мужской черствости, не в утрате чадолюбия попрекала она Абабкина в свое время, а в том, что он относится к другому виду человекообразных, нежели Потанин и Абрамович, чьи фотографии неммым упреком украшали ее стену на месте устаревших Рокфеллера и Кобзона. От жадности Елена даже отказывалась, чтобы ее нынешний муж Мамед ИЧП «Азербайджанские помидоры» начинал строить особнячок, и по-прежнему ютилась с мужем и двумя детьми в шести комнатах странного дома.

Елена открыла дверь и с прежним выражением немого упрека посмотрела на жалкого Абабкина с трехдневной щетиной и в потертом лоснящемся пиджачке.

– Лен, ты это... Мне неудобно... Обстоятельства... Не одолжишь мне тысяч пять, шесть... Ну, десять, а?

– Зачем?

– Гидроизоляцию делать. Там, рубероид, гудрон, то, да сё... Я отдам!

– Гидроизоляция? Это на крыше, что ль?

– Нет, Лен. По всему дому снизу.

На полном, румяном и жадном лице женщины прочиталось несколько дополнительных вопросов, возмущение, страшная внутренняя борьба. Но неожиданно Елена тяжело вздохнула и шагнула внутрь квартиры, делая приглашающий жест и шаря рукой в огромном лифчике.

– Ох, Абабкин, Абабкин, разоришь ты бедную женщину. Десять тысяч... На. Вернешь, когда сможешь.

Чудо! Настоящее чудо! В указанных магазинах на строительном рынке у Эдика и Вовы товар действительно оказался качественным, а главное, очень недорогим. Тоже чудо!

Когда Абабкин закупил гору стройматериалов и заполнил ими все недостроенное жилище, кроткая жена Лариса сперва обрадовалась – наконец-то долгострой завершится и они заживут по-человечески. Когда же муж начал замуровывать окна, сказала:

– Саша, любимый... Может, хватит идиотничать?

И в тот же миг Лариса онемела на две недели. А потом стала еще более кроткой.

Лишив свою квартиру-подпристройку дневного света, Абабкин робко постучался к соседям. Там жила сестра его второй мачехи с дочерью и ее мужем, негром из подтанцовки Валерия Леонтьева. Дверь открыл запыхавшийся после домашней репетиции подтанцовщик.

– Прошу прощения, – вежливо начал Абабкин, чтобы сразу скрасить ожидаемое «да пошел ты», – позвольте у вас замуровать окна и вентиляцию.

– Зачем?

– Надо, – пожал плечами Абабкин.

– А как же я буду репетировать? У Леонтьева чёс через месяц.

– Вы меня, конечно, извините. Но я не советую вам ехать на этот чёс. Здесь вы имеете больше шансов выжить. Но искусство танцев вам... всем нам в будущем пригодится. Я надеюсь.

И подтанцовщик удивительно легко поверил этой на первый взгляд ахинее. И чудеса продолжились. Никто не возражал на устраиваемые Абабкиным неудобства – гидроизоляции первых трех этажей, соединению балконов пятого и шестого этажей в единую галерею, монтажу в некоторых свободных помещениях дизелей и электрогенераторов. Прямые и не прямые родственники, которыми являлись все жильцы странного дома, охотно давали Абабкину деньги на эти причуды и некоторые даже помогали трудом. Но немногие и неохотно. Трудяга и бывший помоечник не раз и не два интересовался у сожителей – не получали ли они странные СМС? Удивительно, получал их только он и через него распространялись непознаваемо чьи приказы.

Получив очередной приказ, в ответном послании Абабкин робко поинтересовался:

«А помещения для животных и растений строить отдельно? Или мы потеснимся?»

Ответ был совсем странен.

«Купи 75 трехлитровых банок соленых огурцов. И съешь.»

Как непьющий, Абабкин относился к соленым огурцам с предубеждением. И решил на альтернативу.

«А нельзя ли огурцы заменить компотом?»

«Можно. Главное, банки не выбрасывай и приготовь 75 плотных крышек к ним. Чистые банки отнесешь на 5 этаж к своей четвероюродной сестре Марфе Дарвиной. Она принимает в поликлинике мочу на анализ. Привыкла. Только скажи ей, пусть банки не открывает и следит, чтобы не разбились при качке.»

Так и было сделано. От большого количества компота Абабкина пучило, но он терпеливо все сносил и продолжал трудиться. С недоступным ей пониманием медсестра принимала пустую посуду и относилась к ней, как к великой ценности. Семьдесят пятая банка заняла свое место в ставшей весьма стеклянной квартирке Марфы и наутро смысл затеи стал понятен. Банки сами собой наполнились неудобоваримым, неразличимым на составные части невооруженным глазом содержимым и небрежно сделанными маркером надписями на крышках: «Млекоп. Парнокоп.», «Млекоп. непарнокоп.», «Домаш. Млекоп.» И т.д. вплоть до «Бактер. Анаэроб.»

– Вот оно что, – улыбнулся Абабкин. – Мысль-то везде не стоит на месте. Их всех потом надо просто клонировать.

– Кто будет клонировать? – испугалась ответственности Марфа. – Я не буду. Я не умею.

– Кто надо, тот и клонирует, – загадочно усмехнулся Александр Алексеевич.

В своих ежедневных неустанных трудах Абабкин и не заметил, что все намеченные работы закончены. А отдыхая, чуть не проспал сообщение:

«Завтра. С Богом. Кстати, у тебя входящие платные. Завещай потомкам расплатиться, когда вновь появится МТС или «Билайн» или я не знаю, что там появится.»

На следующий день пошел дождь. В одном месте над Атлантическим океаном шел даже не дождь, а лился сплошной плотный поток диаметром почти сто километров почему-то теплой воды. Тучи закрыли собой все небо. В полумраке всеобщей паники правительства всего мирового разобщенного сообщества пытались принимать какие-то меры, но какие уж тут меры, когда льет сверху и повсюду. Множество народу запоздало кинулось молиться, многие демонстрировали небу фальшивые печати *алефа*. Но все было без толку. Разумнее всего вели себя, пожалуй, те, что напоследок пустились во все тяжкие, в разврат и пьянство. Но удовольствия они получали, как назло, немного. Сырость и страх портили все дело.

Надводные и подводные корабли тонули один за другим. И лишь один нелепый, как моллюсками, как кораллами обросший пристроечками и балкончиками, оглаженными линиями галерей, с геранями на окнах, еле освещенных силой небольшого генератора, с дымящимися трубами, с зародышевыми клетками в трехлитровых банках, с перепуганными, но довольными счастливой судьбой обитателями, с гордым и честным Александром Алексеевичем Абабкиным на чердаке дом в одном городе вдруг с треском и скрежетом оторвался от своей гранитной незыблемой опоры и всплыл.

«Ну, как, впечатляет?» – пришло СМС.

Абабкин тогда позволил себе дерзость в ответ:

«Да ну, херня какая-то.»

Дождь кончился на третий месяц и океан, покрывший всю планету, успокоился. И еще три месяца никаких существенных изменений не происходило. Запасы еды в доме чудесным

образом не заканчивались. Запасы спиртного от страха были выпиты в первую же неделю плавания. А эсэмэски на единственный в мире работающий мобильник Абабкина приходили исключительно странные. «Позвоните 7058 и получите шикарные гимны в качестве рингтона.» И дальше в таком же роде. Скучища! Голубя даже не выпустишь в поисках веточек, так как некому голубя клонировать.

Однажды в хорошую погоду Абабкин решил искупаться. Плавая в теплой морской водичке, ныряя и наблюдая за ставшими очень мирными отъевшимися акулами, он вдруг заметил что-то блестящее, тянущееся от дома на глубину. Он позвал двух родственников помоложе и поздоровее и в те в результате нырков установили, что это толстая цепь. И тогда Абабкина осенило. Он заметил, что в ходе странствий по волнам их неуправляемый чудо-дом иногда довольно резко останавливается, словно его что-то удерживает. Цепь, оказывается, удерживает. И никаких особенных странствий не было. Так, болтался дом примерно на одном месте. Впервые к нему пришло СМС с опозданием: «Осенило?»

Через неделю под руководством А.А.Абабкина другими Абабкиными и примкнувшими к ним родственниками из различных крупных металлических штук, собранных по всему дому, была сооружена конструкция в виде огромного рычага, ворота и крючка. Крючком подцепили цепь, поймав момент наименьшего натяжения и мужики дружно потянули рычаг, наматывая цепь на ворот. В результате невероятного усилия всего оставшегося человечества из глубины единого земного океана раздалось оглушительное «Чпок!!!»

И в тот же миг уровень воды начал снижаться. Непотопляемый дом высшие силы оберегали от опасности быть засосанным в гигантскую воронку. На четвертый день показались руины домов бывшего города. Вскоре вода исчезла вовсе. Спасительный дом-корабль лежал на боку. Рядом с ним гигантской змеей свернулась ненужная цепь, заканчивавшаяся гранитной пробкой с трогательной резиновой окантовкой.

Остатки цивилизации были занесены местами метровым слоем ила, местами песком. Дохлая рыба чувствительно воняла на солнце. Кое-где валялись основательно объеденные человеческие трупы.

Растерянные Абабкины вместе с присоединившимися повылезали из дома, сперва потоптались возле него, потом принялись разбредаться по окрестностям, стараясь пока не задумываться о своей великой миссии. Вскоре эти окрестности наполнил первыми звуками радостный человеческий вопль. Оказалось, что третий сын второй жены абабкинского отца от четвертого брака обнаружил в развалинах универсама 120 ящиков шампанского с бутылками, ничуть не пострадавшими от воды и океанского давления. К концу дня разве только младенцы не валялись пьяными в подсыхающей грязи. И непьющий Абабкин, грустно сидевший, прислонившись спиной к хорошо загерметизированной стене своего ковчега.

– Так! – раздался с ясного неба смутно знакомый женский голос мощностью в несколько сотен мегаватт.

Лишь некоторые из пьяных подняли головы, но тут же снова уронили их в грязь. Абабкин взглянул на мобильник. Тот не подавал признаков жизни.

– Так, так... – повторил небесный голос. – Дежурным у нас назначается Абабкин Александр Алексеевич. – Ну, чего сидишь? Давай, разгребай.

